

К.М. МАНУИЛЬСКАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматривается зарождение и становление эмпирических социологических исследований в Германии, дается описание основных исследовательских тем и методических подходов, анализируются причины и предпосылки интереса к эмпирическому изучению социальных проблем. Используются материалы, собранные автором в процессе непосредственных контактов с немецкими историками социологии.

Ключевые слова: история эмпирических исследований в Германии; социальная статистика; теоретическое и эмпирическое; организация эмпирических исследований.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей сходятся во мнении, что институционализация эмпирических исследований в экономически развитых европейских странах и США приходится на 20–30-е годы XX века [1; 3, с. 755; 8; 10]. В первую очередь, этому способствовали макросоциальные факторы: вступление развитых стран в индустриальную эру, что сопровождалось массовизацией социальных процессов и как следствие — принципиальным расширением информационно-источниковой базы социальных исследований, усилением интереса к ним государственных, экономическо-управленческих, общественных и научных структур. Существенные изменения произошли и в самой науке, в частности социологической. Она уже не могла довольствоваться анализом и обобщением данных, полученных в смежных областях (демографии, медицине, этнографии, культурантропологии и других).

Институционализации эмпирических исследований предшествовала длительная история социальных опросов, замеров, сбора статистических данных. Долгое время они существовали параллельно, во многих случаях — независимо от теоретической социологии. Отсутствовала устойчивая, внятно артикулированная значимыми общественно-политическими силами потребность в подобных исследованиях. Как правило, они инициировались интересами отдельных личностей, университетских ученых; нередко импульсом к их проведению служил так называемый «государственный заказ». В целом же исследования носили разрозненный, точечный характер, выбор тем диктовался текущими проблемами социального управления и политики. На теоретическом уровне социологи занимались, в основном, философско-

---

Мануильская Ксения Максимовна — аспирант Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35. Телефон: (495) 231–58–53. Электронная почта: ksenia_22@mail.ru

историческими вопросами, развивали глобальные общественные теории. В результате до начала XX века эмпирические исследования не имели единой канвы, методы и способы их проведения не были предметом научной рефлексии, накопленный опыт часто утрачивался, развитие исследований в каждой стране диктовалось национальными политико-экономическими, культурными и научными традициями.

Как же зарождались и развивались эмпирические исследования в Германии — стране, достигшей огромных высот в области социально-философского теоретизирования? Какой опыт можно извлечь из более чем трехсотлетней традиции таких исследований? Этим вопросам и посвящена статья¹.

Предпосылки зарождения эмпирических исследований в Германии

В Новое время вместе с развитием естественных наук, эмпирически-экспериментальных методов познания происходят сдвиги в изучении общества, культуры и человека. В Англии и Германии, помимо прочего, это вылилось в формирование своеобразных научно-исследовательских программ. В этих странах возникают собственные, долгое время противостоящие друг другу школы: в Германии развивается *университетская статистика*, в Англии — *политическая арифметика*. Как отмечает современный немецкий методолог и историк эмпирических исследований Андреас Дикманн, традиции упомянутых направлений «сегодня могут считаться двумя основными корнями эмпирического социального исследования и статистики» [6, S. 78]. В университетской статистике Дикманн видит зачатки качественной методологии, в политической арифметике — количественных методов.

Родоначальниками политической арифметики являются лондонский торговец сукном, статистик и демограф Джон Граунт (1620–?) и сэр Вильям Петти (1623–1687). Наиболее известное политическое исследование Граунта посвящено проблемам населения (1662). Его результаты изложены в классической работе «Natural and politic observations upon the Bills of Mortality». В основу проекта автор положил измерение и количественный анализ социальных процессов. Для этого он использовал статистические данные, собранные другими лицами — выражаясь современным языком, он впервые обратился к *вторичному анализу данных*. Там, где последних не доставало, он

¹ Информационными источниками статьи, кроме немецких и российских историографических работ, послужили экспертные интервью с немецкими специалистами. Исследование было проведено весной 2006 года. Большая часть ответов получена по электронной почте; также проведено пять личных бесед. Они строились на основе заранее подготовленного гайда.

проводил собственные замеры, в том числе, чтобы оценить численность населения Лондона. Предположительно Граунт был первым, кто использовал метод репрезентативной выборки. Его внимание фокусировалось на закономерностях динамики населения, то есть не только на описании единичных случаев, но и на их системном рассмотрении. Граунт обратил внимание на следующие важнейшие социально-демографические факты: количество новорожденных мальчиков превышает количество новорожденных девочек, уровень смертности мужчин выше уровня смертности женщин.

Через 80 лет подходы и результаты политической арифметики получили свое отражение и в трудах немецких ученых. Берлинский проповедник Йохан Питер Зюсмилх в своем произведении «Божественный порядок» (1741) приходит к выводам, близким положениям Граунта. Зюсмилх не только обратил внимание на тенденции рождаемости и смертности, но и впервые поднял вопрос о фертильном возрасте женщин [8, р. 152]. По мнению Лазарсфельда, Зюсмилх использовал элементы структурного анализа. Так, объясняя снижение числа браков в Пруссии, он среди прочих называет следующие причины: увеличение числа студентов в университетах, растущее число военных рекрутов, рост цен на продукты питания, тенденция роста числа промышленных рабочих, влекущая за собой изменение структуры социальных отношений. Основываясь на своих разработках, Зюсмилх смог убедить прусского короля Фридриха II в необходимости провести серию статистических замеров, что с точки зрения современной практики отношений «социолог — заказчик» можно оценить как безусловный успех.

Так чем же характеризовалась «политическая арифметика» и какие содержала новации?

– Обращение, пока фрагментарное, спорадическое, но, тем не менее, осознанное, к изучению масштабных социальных процессов и взаимосвязей, а не только единичных явлений. В перспективе это открывало возможность перехода к новой методологии принятия управленческих решений: от фиксации и накапливания информации о проблемных ситуациях, «ручного управления» подобными ситуациями к разработке алгоритмов разрешения «стандартных» социальных проблем.

– Использование метода «вторичного анализа» статистических данных (фактов, систематически собираемых, прежде всего, государственными и муниципальными органами). Подобный анализ стал одним из первых шагов к идее о теоретической нагруженности фактов (опыта).

– Попытка, пусть неумелая по современным меркам, применения метода репрезентативной выборки.

– Наличие элементов структурного анализа при изучении социальных явлений.

Если политическая арифметика, как свидетельствует название дисциплины, имела дело с количественным измерением (фиксацией) процессов и фактов, то университетская статистика занималась преимущественно описаниями «государственных достопримечательностей» [6, S. 80], другими словами, — фиксацией отдельных случаев и фактов хозяйственной жизни германских земель. Считается, что основателем университетской статистики был Херман Коринг, профессор натурфилософии университета в брауншвайгском Хельштедте — современник основателей политической арифметики Граунта и Петти. Учение Коринга получило достаточное распространение только спустя сто лет, во второй половине XVIII столетия, через «Готтингенскую школу» Готфрида Ахенваля и его последователя Августа Людвиг Шлёцера². Ахенваль стремился к внедрению в государственное управление и сознание обывателей понятия «статистика» (от латинского «status» — государство или «statista» — государственный деятель). Он вкладывал в это понятие следующее значение: способ «государствования», задача которого состояла в описании «земли и людей» (население, экономика, система права, нравы, образ жизни и «характер» народов и проч.) [7, S. 20]. По словам Ахенваля, «она [университетская статистика. — К.М.] заботится обо всем множестве вещей, которые встречаются в теле государства, и добросовестно выискивает те из них, которые показывают преимущества и недостатки страны, — короче, все, что может быть принесено основному познанию Империи и выгодному использованию на службе государства: как достигается это? Через государственную науку империи» [цит. по: 7, S. 20].

В университетской статистике можно усмотреть зачатки метода наблюдения, этнографического метода и того подхода, который впоследствии получил развитие в исследованиях Франсуа Ле Пле.

В начале XIX века университетская статистика в германских землях приходит в упадок, а у государства появляются новые нужды и запросы, в частности в точных статистических сведениях. В результате в 1805 году в Германии было образовано Прусское статистическое общество, что стало важнейшим импульсом развития эмпирических исследований. С этого момента началась институционализация статистических замеров в современном значении понятия «статистика» и новый виток в развитии социальных обследований.

К началу XIX века в Германии сложилась ситуация, благоприятствующая развитию эмпирических социальных исследований. С одной стороны, потребность в систематическом получении статистических

² Во второй половине XVIII столетия университетская статистика Готтингена была довольно популярна в правительственных кругах. Так, императрица Мария Терезия, будучи недовольной одним из решений государственного совета, спросила: «Что сказал бы на это Шлёцер?».

данных назрела у государства: общественные изменения, готовящиеся реформы требовали должного «информационного обеспечения». С другой стороны, наука уже накопила некоторый опыт проведения социальных обследований. В основном пока это были «качественные» наблюдения, но и зарубежный опыт статистических замеров был не безызвестен в стране. Кроме того, можно с высокой долей уверенности утверждать, что именно в немецких научных, а в определенной степени и политических кругах развернулись первые дискуссии о количественном и качественном подходах в социальных исследованиях. «Качественная» университетская статистика и «количественная» политическая арифметика — методологии, которые в истории социальных исследований в разных формах конкурировали между собой. Развернувшиеся в то время дебаты — порой весьма эмоциональные — сторонников упомянутых направлений не утихают и сегодня [6, S. 81].

Социальные исследования 1805–1873 годов

В силу раздробленности немецких земель в первой половине XIX века наблюдалось постоянное запаздывание развития страны в целом по сравнению с лидирующими европейскими государствами. Поэтому исследования опирались, прежде всего, на заимствованный зарубежный опыт. Их инициировали государственные бюрократические структуры и университеты [3, с. 136]. Сверхзадачей большинства исследователей было решение «социальных вопросов». Это и понятно. Развитие капитализма породило масштабные трансформации в социальной сфере. Обострение противостояния между богатыми и бедными, социальное положение рабочего класса, детский труд, массовая миграция крестьян из деревни и ускоренный рост городов — вот проблемы, надолго ставшие основными темами социологических и статистических эмпирических исследований, число которых постоянно росло. Либеральные реформаторы, ортодоксы-консерваторы, христианские круги, социалисты — все хотели иметь точную и подробную картину общества. Эта потребность дала толчок разработке и использованию широкого спектра методов: анкетные опросы, социальные отчеты, статистические замеры и проч. [6, S. 85].

Первые эмпирические социальные исследования тесно связаны со статистикой, однако не в современном ее понимании. В начале XIX века статистика представляла собой компендиум данных из различных областей: географии, истории, демографии, экономики, политико-административной сферы. С середины века начинается дифференциация направлений внутри статистики [5, с. 136]. Так, опираясь на английскую традицию, в рамках которой давно использовалось анкетирование, в 1848 году земельно-экономический комитет Пруссии провел при помощи анкеты полевое исследование по рабочему вопросу.

В принципе его можно считать первым масштабным эмпирическим исследованием в Германии. Однако это не первое серьезное исследование, проведенное немцами. В ноябре 1842 года 22-летний Фридрих Энгельс прибывает в Англию, в Манчестер, где пробудет почти два года. Он послан отцом для коммерческой практики на бумагопрядильную фабрику «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой был его отец. Однако коммерция — только одна сторона жизни молодого человека. Он проявляет жгучий интерес к социальным и политическим вопросам. Результатом стала книга «Положение рабочего класса в Англии в 1844». В официальной биографии советского времени книга названа «одним из первых серьезных социологических исследований» [2]. Правомерна ли подобная оценка, а главное, насколько повлияла работа на развитие эмпирических исследований в Германии? В упомянутой биографии отмечается, что работа обогатила *«марксистскую»* [курсив наш. — К.М.] литературу ценным фактическим материалом и глубокими обобщениями». Думается, в целом оценка справедливая. Даже если работа и не осталась незамеченной тогдашним научным сообществом, ее явная политическая ангажированность, конечно же, не нравилась представителям «буржуазной» и «филистерской» мысли.

Но вот в чем молодого Энгельса никак нельзя упрекнуть, так это в отсутствии добросовестности и тщательности при сборе материала. В предисловии к книге он писал: «Я достаточно долго жил среди вас [рабочих. — К.М.], чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей...» [цит. по: 4]. Между прочим, пассаж можно рассматривать как краткое руководство по сбору данных методом включенного наблюдения. Другое дело, что в это время используемые методы еще не стали предметом систематической рефлексии исследователей.

После революции 1848 года репертуар «социальных вопросов» расширяется. Предметом эмпирических исследований становятся проблемы медицины и здравоохранения. Важную роль в этом сыграл известный немецкий ученый, основатель медицинской статистики Рудольф Вирхов. Инициатор проведения медицинских реформ в стране, он в 1848 году предпринял медицинское обследование жителей Верхней Силезии. Полученные результаты представляли собой не просто отчет об эпидемической ситуации и заболеваемости населения.

Они сопровождалась анализом причин экономической и культурной отсталости региона. В целях профилактики эпидемий Вирхов разработал целую программу социальных реформ. Э. Обершаль отмечает, что способ анализа, который использовал Вирхов, был близок к тому подходу, который в настоящее время применяется в мониторинге ситуации в слаборазвитых странах [10, S. 40].

В 1860–1870-х годах широкий резонанс в Европе, в том числе в Германии, получили исследования «моральной статистики», демографии и жизни бедных слоев населения, проводимые А. Герри, А. Кетле, Ф. Ле Пле. Последователем Ле Пле и Кетле в Германии стал Эрнст Энгель, начинавший горным инженером; со временем он стал профессиональным статистиком и возглавил Прусское статистическое общество. Он попытался синтезировать в бюджетных исследованиях подходы обоих ученых. В подготовке исследования у Энгеля возникли затруднения. Дело в том, что Ле Пле относился с недоверием к получению статистической информации при помощи анкет и массового опроса; с его точки зрения большей надежностью обладал метод наблюдения. Несмотря на это статистик и сторонник количественного подхода Э. Энгель проявил интерес к качественному исследованию бюджетов, проведенному Ле Пле. Более того, основываясь на его материалах (36 монографических отчетах о бюджетах семей) и материалах, собранных ассистентами Кетле (бюджеты 199 семей в Бельгии), немецкий ученый сформулировал статистическую закономерность, названную впоследствии «законом Энгеля»: «...путем индуктивного вывода установлено положение о том, что чем беднее семья, тем большую часть общего суммарного дохода должна она расходовать на питание» [цит по: 7, S. 61]. В современной интерпретации «закон Энгеля» звучит так: частные расходы на средства первой необходимости снижаются с увеличением доходов. Данное положение лежит в основе макро- и микроэкономической теорий потребления.

Работы Кетле оказали влияние на многих немецких исследователей, занимающихся проблемами, выходящими за рамки сугубо социальных. Так, в области демографии, криминологии и физической антропологии известность получили работы последователя Кетле Адольфа Вагнера. Наиболее значимым в данном отношении является его труд «Регулярность кажущихся случайными действий с точки зрения статистики», изданный в Гамбурге в 1864 году. Впрочем, нередко Вагнер проявлял себя чересчур старательным последователем Кетле и видел регулярность даже там, где наблюдался довольно широкий разброс данных и где существование каких-либо тенденций вызывало большие сомнения. Один из предметов его изучения — статистика самоубийств в Европе. Так же, как и позднее Дюркгейм, Вагнер пытался проанализировать зависимость самоубийств от различных факторов: религиозной принадлежности, возраста, профессии, семейного положения, погоды. Но, в отличие от Дюркгейма, из-за отсутствия продуманной теории нарисованная им картина самоубийств получилась довольно хаотичной.

Данное обстоятельство выглядит достаточно парадоксальным, поскольку большинство немецких ученых осознанно или неосознанно базировались в своих исследованиях на детерминистских принципах, которые в первую очередь «срисовывались» с работ Кетле. А вот его идеи о квантификации социальных явлений, наработки в области математических методов немецкими специалистами остались практически незамеченными. Более-менее адекватное отражение они нашли только в работе Вильгельма Лексиса «Теория массового поведения» (1877). Впрочем, результаты этой работы были быстро забыты и вновь возвращены в научный оборот только в 40-х годах XX столетия.

Предпосылки институционализации: Союз социальной политики

К последней четверти XIX века эмпирические исследования уже достаточно прочно входят в научную жизнь Германии. Происходит накопление и осознание ряда методических проблем, которые требуют обсуждения и решения, формируются элементы научного сообщества. Поэтому создание в 1873 году Союза социальной политики выглядит вполне закономерным. В Союз вошли университетские профессора, представители прессы, издатели, чиновники и предприниматели. Почти все ученые, работавшие в сфере социальных исследований, были так или иначе связаны с Союзом. Его членами стали такие видные социологи, историки и экономисты, как Альфред и Макс Веберы, Фердинанд Теннис, Густав Шмоллер и др. В 1880–1890-е годы Союз становится центром организации и проведения социальных исследований в Германии.

Продолжая традиции Прусского статистического общества, Союз проводит несколько полевых замеров с использованием метода анкетирования. За образец берутся английские исследования. Так, были проведены анкетные опросы о фабричном законодательстве, формах производственного обучения, жилищном кризисе, надомном производстве и кустарной работе, о положении сельскохозяйственных рабочих и ряд других исследований. С точки зрения точности и объективности, как отмечает немецкий историк исследований Х. Керн, британский образец, конечно, не был достигнут [7, S. 89]. Другой специалист по истории эмпирических исследований, Х. Маус, видит причины этого в различиях политических систем Англии и Германии. По его мнению, по крайней мере на начальной фазе этих исследований государственные ограничения и цензура прессы в Пруссии препятствовали критическому обсуждению проблем, что было нормой для парламентской Британии [9, S. 33]. В целом в исследованиях, проводимых Союзом в то время, преобладали описательные приемы и простые статистические методы.

В этот же период — в конце XIX века — эмпирические исследования приобретают новый оттенок. Ряд ученых, считавшихся теоретиками, стараются подкрепить свои научные изыскания эмпирическими

данными. Иллюстрацией этой тенденции может служить эмпирическое исследование, проведенное Карлом Марксом в 1880 году. Первоначально Маркс использовал в своих экономических и социологических трудах результаты расчетов британских статистиков и официальные анкеты о положении рабочего класса в Англии, собранные в 1830 году. Впоследствии Маркс запланировал и организовал собственный анкетный опрос о положении рабочих во Франции. Цель «рабочей анкеты», где все вопросы были открытыми, — прежде всего, собрать информацию о ситуации на рынке труда (оплата, охрана труда, безработица и проч.) и о «классовом сознании» рабочих. Маркс преследовал и другую цель: отвечая на открытые вопросы, рабочие должны были глубже осознать ситуацию, в которой они находятся. Некоторые ученые, например, Х. Керн, эту просветительскую цель рассматривают как особенность марксистско-критического социального исследования в противовес установке на непосредственный сбор данных в опросах «буржуазных» социальных исследований [7, S. 82]. С этим нельзя не согласиться хотя бы в силу того, что с методической точки зрения «просветительский» подход является уязвимым. В целом опрос Маркса оказался неудачным. С точки зрения репрезентативности, выборка была существенно искажена. Анкета с каталогом в сто вопросов и сопроводительными инструкциями была напечатана в 1880 году во французском журнале “Revue Socialiste”. Ответы следовало отправлять обратно в редакцию. Таким образом, в первую очередь опрошенными оказывались читатели социалистического журнала, то есть, предположительно, образованные рабочие. Думается, Маркс переоценивал способность рабочих к протоколированию. Скорее всего, ответы приходили от тех, кто был грамотнее и для кого заполнение открытых вопросов требовало меньших усилий. Наконец, число возвращенных анкет и анкет, пригодных для анализа, видимо, было невелико, так что материал вряд ли оказался пригоден для достижения поставленной цели — получить информацию о положении французских рабочих — и дальнейшего анализа [7, S. 82]. И все же примечательно, что теоретик Маркс выступил с инициативой собрать эмпирические данные, предполагая использовать их в теоретических построениях.

В пределах Германии Союз социальной политики стал основным ведущим центром исследований. При этом методологическая база и исследовательские подходы оставались далекими от совершенства. Члены Союза в большинстве своем были последователями «исторической школы» национальной экономики, сфера их интересов в основном фокусировалась вокруг описания ситуации. «Почти нигде в работе не удалось добиться установления зависимостей и законов; точнейшие статистические методы не применялись. Решающие успехи этих исследований, как и значение работ исторической школы, заключались в создании материалов об отдельных частях общества» [12, S. 121]. Возможно, причина такой невысокой результативности крылась в организации исследований. Как правило, она была следующей. Предварительно

обсуждалась программа исследования, определялись основные пункты, по которым необходимо было получить информацию. Далеко не всегда эти темы затем представлялись в виде конкретных вопросов. Составленный документ, «программа исследования», рассылался по всей стране наиболее компетентным в исследуемых вопросах людям — учителям, землевладельцам, чиновникам, священникам, которым следовало прислать его назад заполненным. Понятно, что довольно часто заполнение проходило в произвольной форме, а не в соответствии с прилагаемыми инструкциями. Собранные материалы публиковались. Публикации редко предшествовала обработка. Нечетко сформулированные вопросы не позволяли получить точные и сопоставимые ответы.

Члены общества долгое время обходили стороной методологические вопросы. Пожалуй, осознанный интерес к этим проблемам рельефно проявился в дискуссии об основных задачах Союза социальной политики. Центральным ее пунктом стал вопрос о целях познания: выдвигались две альтернативы — *описательные*, «идеографические», цели противопоставлялись поиску *регулярных закономерностей*. Основная дискуссия развернулась между тремя видными членами Союза: М. Вебером, Г. Шмоллером и К. Менгером³. М. Вебер был первым, кто серьезно подошел к обсуждению методологических вопросов. На заседании общества 1893 года он призвал исследователей более критически рассматривать используемый инструментарий, заострил внимание на проблемах достоверности информации, получаемой от респондентов, формулировки вопросов. Простого описания ситуации со слов испытуемых недостаточно для познания социальных процессов и закономерностей, существенную роль в этом играет способ получения информации, исследовательский инструментарий. Справедливости ради надо отметить, что обсуждение обозначенной темы восходит к дискуссии между Г. Шмоллером и К. Менгером в 1883 году. Он так и известен как «спор о методах» (Methodenstreit). Г. Шмоллер выступал за конкретно-исторические методы исследования и значимость индукции, подчеркивал значимость воздействия социального целого, культуры, социума на поведение отдельных людей, в которых неистребимо ценностное, этическое начало. Он противопоставлял все эти аспекты приоритету дедукции, принципу методологического индивидуализма и идее об универсальности человеческой природы — эти тезисы отстаивал К. Менгер.

Значительную роль Союза в развитии эмпирических исследований и рост интереса к методическим проблемам на рубеже веков отмечает один из ведущих современных немецких специалистов по теории экспериментального метода и методических исследований Т. Петерсен: «В конце XIX — начале XX веков в Германии была проведена серия

³ По материалам экспертного интервью с Андреасом Дикманном.

исследований с помощью новейших инновационных методов. Здесь следует назвать Макса Вебера с его масштабным опросом для Союза социальной политики о положении рабочих в Германии, Готлиба Шнаппер-Ардта и Адольфа Левинштайна. Наверное, самым оригинальным эмпирическим исследователем был Фердинанд Теннис, который в начале XX века развил целую серию инновационных методов измерения и анализа — однако так и не получил заслуженного признания⁴.

Значимость этих исследований трудно переоценить. Вместе с тем уже тогда, а точнее, в 1888 году, исследовательские подходы, культивируемые Союзом, были подвергнуты критике с методологической точки зрения одним из его членов Готлибом Шнаппер-Ардтом, опубликовавшим монографию «Методология социальных обследований». Не считая более поздних работ Макса Вебера, это была практически единственная критическая работа об исследованиях Союза социальной политики.

Одним из важнейших проектов Союза стало руководимое Максом Вебером, Альфредом Вебером и Хенриком Херкнером исследование «Выбор профессии и профессиональная судьба рабочих в различных отраслях экономики и крупной промышленности». Сбор данных начался в 1909 году, уже в позднюю фазу активности Союза. Исходным был вопрос о влиянии крупной промышленности на личность и жизненный путь рабочего. В ходе опроса на предприятиях предполагалось получить информацию не только об объективных показателях (зарплата, производительность труда и др.), но и о субъективных аспектах (жизненные цели и представления о будущем, личная оценка работы и проч.). Акцент делался на изучении «профессиональной судьбы». Однако задуманный исследовательский план был осуществлен далеко не полностью. Основная причина — трудности при сборе данных. Коллективы предприятий и профсоюзы были настроены против опроса. Крайне низким оказался возврат при письменном опросе (не более 10%); исключение составлял полевой этап, который с большой изобретательностью организовала сотрудница проекта Мария Бернай. До этого она сама была работницей фабрики и начала исследование с многомесячного включенного наблюдения, предшествующего опросу [7, S. 97]. В целом же в проекте картина субъективных установок оказалась далеко не полной, а оценка материалов не была проведена систематически, согласно исходным вопросам [критику исследования см.: 7; 12]. Для проектов такого масштаба это было типично.

По мнению Андреаса Дикманна, недостаточное отражение субъективных характеристик обуславливалось тем, что исследовательской группе еще не были известны техники измерения и шкалирования субъективно-психологических установок. Только через два десятилетия

⁴ По материалам экспертного интервью с Томасом Петерсенем.

американские ученые сконструировали шкалу социальной дистанции (Богардус) и установочные шкалы, которые могли быть апробированы в практике социальных исследований (Терстоун) [10, S. 94].

В начале XX века появляются новые темы, многие из которых впоследствии развились в самостоятельные отрасли прикладной социологии: исследование избирательных кампаний, элит, высшего образования, политических союзов и проч.

Так, Макса Вебера считают основателем направления, которое называется сегодня социологией коммуникаций и которое занимает прочные позиции в Германии. Армин Шолль отмечает, что почти за тридцать лет до организации П. Лазарсфельдом крупномасштабных коммуникационных исследований М. Вебер принял активное участие в становлении эмпирического изучения средств массовой коммуникации, особенностей формирования публичных сообщений, мнений и характеристик журналистской среды. На первом общенемецком конгрессе социологов, проходившем во Франкфурте в 1910 году, М. Вебер сделал доклад о социологии газеты (*Soziologie des Zeitungswesens*). Он акцентировал внимание на необходимости организовать анкетный опрос посредством публикации анкеты на страницах газет, контент-анализ различных материалов, публикуемых в периодической печати. К сожалению, реальное исследование так и не было проведено из-за разногласий в академической среде и недостаточного финансирования. Однако уже тогда удалось разработать новые подходы к сбору и анализу эмпирического материала [11, S. 17–18].

В русле сказанного становится очевидным, что Вебер внес существенный вклад в развитие не только теоретической, но и *эмпирической* социологии, помог утвердить ее легитимный статус, что, к сожалению, отмечается далеко не всегда. Вебер, пожалуй, одним из первых признанных социологов попытался преодолеть разрыв между эмпирической и теоретической социологией, который был характерен для описываемого периода.

Крупнейшим и значительным в методическом плане стало частное исследование Адольфа Левинштейна на тему «Рабочий вопрос». Его результаты опубликованы в 1912 году. В течение 1907–1911 годов было разослано 8000 анкет в 8 индустриальных районов — по 1000 анкет в каждый. Целевой аудиторией опроса выступили шахтеры, металлурги и текстильщики. Инновацией в исследовании, вероятно, до конца методологически неосознанной, было использование метода снежного кома при поиске респондентов: сначала респондент рассылал анкеты своим друзьям и знакомым среди рабочих, затем просил тех, от кого получил ответ, распространять анкеты среди других. В результате был достигнут достаточно высокий процент возврата анкет — 63%. Первоначально Левинштейн отказался от анализа и

просто опубликовал ответы некоторых опрошенных, однако впоследствии, по совету профессиональных социологов, в том числе и М. Вебера, решил самостоятельно провести количественный анализ.

Анкета состояла из 26 открытых вопросов. Полученные данные Левинштейн разделил на пять групп: общие характеристики (имя, возраст, род занятий, семейное положение, число детей, доход, форма оплаты труда — сдельная или почасовая); процессуальные составляющие труда (утомляемость, удовлетворенность реальной оплатой, оценка содержания труда); профессиональные и материальные перспективы в сфере занятости; проведение свободного времени. Поскольку вопросы были открытыми, обработка результатов вызвала серьезные трудности. Тем не менее, полученные данные и выводы оказались интересными [10, S. 95–99].

Значимой фигурой в развитии эмпирических исследований начала XX века был Фердинанд Теннис. Он называл эмпирическую социологию социографией. Ее задача — изучение фактов жизни современного общества. В качестве метода социографии Теннис выделял наблюдение и проводимое на его основе сравнение, то есть индуктивный метод. Исходными данными выступают статистические, однако социология анализирует этот материал исходя из собственных целей. Наконец, социограф собирает и собственную статистику в соответствии с поставленными задачами.

Предметом эмпирических исследований Тенниса были преступность, самоубийства, демографические процессы, промышленность, деятельность политических партий. Каждая проблема анализировалась в широком контексте. Например, Теннис провел исследование преступности в Шлезвиг-Гольштейне, выборка составила 3500 человек. При этом, кроме данных официальной статистики о количестве и частоте правонарушений, найденных в архивах полиции и исправительных учреждений, собирались и систематизировались сведения о самом преступнике, а именно: о его происхождении, экономико-географических особенностях его родных мест, семейном положении, образовании и полученной профессии, фактических занятиях и профессиональной биографии, сфере деятельности отца, местах проживания и др.

Таким образом, можно говорить, что в рассматриваемый период в Германии происходит активное сближение теоретической и эмпирической социологии. Особенно важную роль в данном отношении сыграли исследования Вебера и Тенниса. Эмпирические исследования стали рассматриваться как важная составная часть социологизирования, «науки как профессии». Укреплению научного статуса эмпирических исследований, пониманию их социально-практической роли способствовало осознание значимости методологии и методов исследования. Появляются критические работы, посвященные методам

сбора и обобщения данных, инициируются методические дискуссии. Подобная рефлексия еще не имеет систематического характера. Однако в этих размышлениях уже намечаются две важнейшие проблемы эмпирических исследований: их сопряженность с теорией, с одной стороны, и реалиями социальной практики, социальной политики — с другой. К сожалению, вследствие Первой мировой войны наработанный опыт в проведении исследований, обширный эмпирический материал, методические наработки выпали из научно-практического оборота. После войны эмпирические исследования в Германии, как в организационном плане, так и с точки зрения теоретического и методического оснащения пришлось начинать фактически с нуля, по крупицам восстанавливая предшествующие наработки и творчески усваивая зарубежный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
2. *Кандель Е.* Энгельс // *Философская энциклопедия: В 5-ти т. Т. 5.* М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 559.
3. *Ковалева М.С.* Социология эмпирическая // *Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова.* М.: ИСПИ РАН, 1995.
4. *Фридрих Энгельс.* Биография. Изд. 2-е. М.: Политиздат. 1977. С. 30.
5. *Эмпирические социальные исследования в XIX веке История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона.* М.: Наука, 1979. С. 136.
6. *Diekmann A.* Empirische Sozialforschung. Grundlagen, Methoden, Anwendungen. Reinbek: Rowohlt, 2004.
7. *Kern H.* Empirische Sozialforschung. Ursprünge, Ansätze, Entwicklungslinien. München: Beck, 1982.
8. *Lazarsfeld P.F.* Notes on the history of quantification in sociology: Trends, sources and problems // *ISIS.* 1961. Vol. 52. No. 168.
9. *Maus H.* Zur Vorgeschichte der empirischen Sozialforschung // *Hand buch der empirischen Sozialforschung.* Bd. 1. 3 Aufl. / R. König (Hrsg.). Stuttgart: Enke, 1973.
10. *Oberschall A.* Empirische Sozialforschung in Deutschland 1848–1914. Freiburg: Alber, 1998.
11. *Scholl A.* Die Befragung: sozialwissenschaftliche Methode und kommunikationswissenschaftliche Anwendung. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2003.
12. *Zeisel H.* Zur Geschichte der Soziographie // *Jahode M., Lasersfeld P.F., Zeisel H.* Die Arbeitlosen von Marienthal, 2. Aufl. Allensbach: Verlag für Demoskopie, 1960.